

Киселёв А.А.

*УО «Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники»,
Минск, Беларусь*

**Общая полиция и массовые беспорядки
на национальной почве в Российской империи в начале XX в.
(на примере речицкого погрома)**

В статье показывается, что общая полиция Российской империи в начале XX в. в силу своей малочисленности не имела возможности предотвратить массовые столкновения между разными этническими общностями. Обвинения чинов полиции в их организации не имеют под собой фактических оснований.

Ключевые слова: полиция, массовые беспорядки, белорусские губернии, национальные конфликты, Российская империя

Конфликты на национальной почве сопровождавшие политический кризис 1905–1907 гг. в Российской империи практически сразу же превратились в повод для политической кампании против властей. Правительство обвинялось либо в организации этих столкновений, либо в попустительстве погромным акциям, причем подобные обвинения выдвигались практически всеми оппозиционными политическими партиями, группами и лидерами, начиная от конституционно-демократической партии и завершая крайними анархистскими группировками. Это хорошо понимали современники. Так, минский губернатор П.Г. Курлов в своих воспоминаниях писал, что «легенда об организации правительством погромов, о чем до революции так кричала левая пресса, что не представлялось никакой возможности опровергать это в обществе, после революции должна была бы совершенно пасть» [4, с. 64]. Однако вопреки этому суждению политическая пропаганда о причастности российского правительства и сил правопорядка к межнациональным конфликтам не только проникла в советскую историографию, но и до

сих пор встречается в работах, посвященных периоду первой русской революции 1905–1907 гг.

Белорусская историография не является исключением из этого правила. В частности, в первом томе «Истории БССР» (1953 г.) без каких-либо оговорок констатировалось, что российское правительство предприняло «провокационные меры, чтобы ослабить революцию» [3, с. 386]. В белорусско-советской историографии утверждалось, что «правительство организовывало еврейские погромы, создавало бандитские черносотенные организации, которые открыто убивали революционеров, рабочих, расстреливали митинги. В Орше, Речице, Лоеве и Полоцке полиции и черносотенцам удалось организовать погромы» [3, с. 386]. В современной белорусской историографии таких прямых обвинений в адрес местных российских властей в период 1905–1907 гг. не делается. Вместе нельзя сказать, что произошел пересмотр прежних характеристик действий местных, в том числе полицейских, властей. По крайней мере, в новейшем коллективном труде «Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.)», говорится о том, что местные «чарнасоценцы», пользуясь поддержкой политической полиции и властей, в 1905 г. «арганізавалі забойствы рэвалюцыйнага і яўрэйскага пагромы ў Беларусі (Орша, Гомель, Полацк, Дуброўна)» [2, с. 323–324]. Можно заметить, что несмотря на некоторое смещение акцента, по-прежнему воспроизводится точка зрения, сформулированная еще в сталинский период. При этом в историографии почти полностью отсутствуют исследования, посвященные отдельным погромам и действиям губернских и уездных властей во время этих массовых беспорядков в белорусских губерниях.

В этой связи представляет интерес вопрос о действиях общей полиции в условиях массовых беспорядков на этнической почве. В рамках настоящей статьи рассматривается деятельность общей полиции во время погрома в уездном городе Речице Минской губернии 23–24 октября 1905 г. Этот случай интересен еще и тем, что события в Речице получили отражение в историографии. В частности, их анализу посвящена популярная работа израильского историка Л. Смиловицкого «Погромы 1905 г. в Белоруссии (на примере Речицы и Гомеля)» [7]. На ее страницах автор называет виновниками погрома местных черносотенцев, которым на помощь прибыл агитатор из Новозыбкова. По мнению историка, речицкой «Патриотической лиге» оказывали содействие местные полицейские чины. Л. Смиловицкий даже допускал, что среди жителей Речицы распространялись листовки, отпечатанные «на гектографе полиции» [7]. Во время самих беспорядков полиция приняла сторону погромщиков. По словам исследователя, во время погрома 23 октября толпой руководил жандармский унтер-офицер, а полицейский надзиратель вместе с погромщиками «шашкой рубил товар» [7]. Историк обвинил нижних полицейских чинов в нежелании оказывать медицинскую

помощь раненым во время перестрелки и при задержании участникам боевой группы социалистических партий из Гомеля. Из чинов полиции положительной характеристики удостоился лишь речичкий исправник С.А. Житников, который «имел репутацию человека обходительного и вдумчивого. Это был единственный человек из местной администрации, с которым еврейская часть населения города предпочитала иметь дело» [7]. В целом историк негативно оценивал действия местной полиции, обвинял ее в поддержке погромщиков, при этом автор не скрывает симпатий в адрес социалистических партий и групп, которые стремились вооруженным путем вмешаться в ход событий в Речице. Под сомнение даже не ставится правомерность использования ими оружия и применения насилия.

Отметим, что численность жителей Речицы в 1905 г. согласно официальным данным составляла 11095 чел., из которых на еврейское население приходилось около 58,8 % горожан. Обеспечение правопорядка в городе возлагалось на команду городских в 14 нижних чинов и полицейского надзирателя, починенных Речицкому Уездному полицейскому управлению (далее УПУ – А.К.). В самом управлении проходили службу исправник, его помощник, секретарь, регистратор и 2 столоначальника. Если принять во внимание, что такие чиновники управления как секретарь, регистратор и столоначальники наружную полицейскую службу в Речице не несли, занимаясь делопроизводством, то окажется, что на улицах города во время массовых беспорядков в лучшем случае могли находиться 3 офицера и 14 нижних чинов. Следует отметить, что спустя два года после речичского погрома кадровая ситуация кардинально не улучшилась, не смотря на увеличение с 31 января 1906 г. штата городской полицейской команды на 9 городских. В своем рапорте от 29 декабря 1907 г. речичкий исправник В.А. Литвинов считал «штат городской полиции гор. Речицы совершенно не достаточным» [5, л. 36]. Эта оценка не являлась примером ведомственного лоббизма, поскольку подкреплялась красноречивыми примерами возросшего объема полицейской работы. В частности, только ежегодное количество поступивших к исполнению полицейского надзирателя бумаг за 10 лет выросло с 4739 (1897 г.) до 7300 (1907 г.). В течение 1905–1907 гг. в городе произошло 244 кражи, 7 грабежей, 3 убийства, 2 изнасилования, 15 тяжких телесных повреждений, 6 случаев сбыта фальшивых купюр и ряд прочих преступлений, которые фактически падали на одного полицейского чиновника. В добавок последнему приходилось тратить деньги на канцелярские нужды «из своего жалования» [5, л. 37]. Эта характеристика косвенно подтверждает, что отвечавшая за правопорядок в городе общая полиция Речицкого УПУ не располагала значительными полицейскими силами.

Вместе с тем имеется возможность оценить действия полиции во время массовых беспорядков 23–24 октября 1905 г. на основании рапорта речич-

кого исправника С.А. Житникова на имя минского губернатора П.Г. Курлова от 31 октября 1905 г. В этом документе излагается описание событий в значительной степени расходящееся с реконструкцией историка Л. Смиловицкого. Следует сразу отметить, что исправник находился во время погрома в служебной поездке и приехал в город уже после того, как произошли главные трагические события. Рапорт исправника дополнялся показаниями его помощника и полицейского надзирателя. В какой-то степени представленная губернатору версия произошедшего является результатом предварительного дознания, проведенного исправником. После рапорта приказом минского губернатора было назначено служебное расследование, которое велось с 6 ноября 1905 г. до 25 июля 1906 г. Его итогом стало заключение о том, что помощник исправника и полицейский надзиратель «во время означенного погрома принимали энергичные меры к прекращению оногo» [6, л. 25].

Согласно рапорта исправника воскресным утром 23 октября 1905 г. на базар стали стекаться крестьяне из окрестных деревень, среди которых слышались «толки о неудовольствии к местным евреям и в особенности к партии социал-демократов, порождаемом дерзостью и нахальством демократов, выражавшимся в публичных собраниях, в стрельбе повсеместно из револьверов, в криках «Долой самодержавие» и наконец в произвольном закрытии ими, 20 октября с 12 часов для торговли в гор. Речице» [6, л. 19]. Здесь следует отметить, что раздражение у крестьян вызвала забастовочная акция, организованная местными революционными группами. Вероятно, что причиной забастовки стали новости о так называемом «курловском расстреле» 18 октября 1905 г. в Минске и Манифесте 17 октября 1905 г. Первоначально толпа крестьян «не носила особенно угрожающего характера», однако в обеденное время на рынке вспыхнула ссора «между еврейкой и крестьянкой» из-за «курицы», а в другой части – «такой же спор из-за булок», которые перешли в драку. Это стало поводом для толпы «праздных крестьян» приступить к погрому имущества на базаре. К этому времени на базарную площадь прибыли помощник исправника В.П. Бабаев, полицейский надзиратель Ф.П. Артемьев с несколькими городскими, а также исполнявший обязанности начальника уездного воинского управления подполковник В.И. Скворцов с командой из 5 нижних чинов. Помощнику исправника удалось «уговорить разбушевавшихся крестьян, начавших ломать уже ящики, находившиеся при лавках». Успокоенная толпа, насчитывавшая по официальным оценкам около 1000 человек, т. е. почти 11 % от всего населения Речицы, потянулась по базарной улице на «площадь с намерением разойтись». Однако в этот момент по крестьянам «сади, с угла базарной (Казарменской) и Преображенской улиц, второго этажа дома Гольдберга слышались револьверные выстрелы, произведенные демократом Алексе-

вым и другими из числа еврейской молодежи демократического направления» [6, л. 19]. На самой площади крестьян поджидала «толпа демократов во главе с Вильковичем, встретившая толпу крестьян открытием по ней огня из револьверов». В ответ на это расшвырявшиеся крестьяне бросились взламывать лавки «с железными товарами с целью вооружиться для самообороны». В своих показаниях помощник исправника В.П. Бабаев заявил, что ему крикнули: «Вы нас уговариваете, а евреи в нас стреляют», и начали громить лавки по всему ряду» [6, л. 8]. Военская команда под командованием В.И. Скворцова дала несколько залпов по стрелявшим, израсходовав 20 патронов. Нападавшие разбежались по прилегающим к базарной площади садам и домам, но ответную стрельбу не прекратили. К этому времени крестьяне начали громить лавки и «расхищать товары» [6, л. 20]. По словам исправника, остановить разграбление имущества торговцев не представлялось возможным «за недостаточностью полиции и военной силы». Начальник уездной полиции отметил, что часть нижних чинов подполковник был вынужден отрядить на установление охраны казначейства и тюрьмы, поскольку прошел слух о намерениях революционных групп отбить «арестантов». Любопытно, что стрельба революционеров и чинов воинской команды не привела к человеческим жертвам. От случайной пули пострадал только крестьянин Коцура, которого ранило «в щеку». Однако во время погрома лавок крестьянами был смертельно избит еврей Арклис. Далее события развернулись неожиданным образом. К подполковнику В.И. Скворцовуступила толпа «мещан-христиан города Речицы, вооруженная различными железными предметами» и потребовала от него «выдачи оружия, находившегося при управлении воинского начальника» [6, л. 20]. В случае отказа ему пригрозили изъять оружие силой. В этой ситуации начальник управления предпочел возглавить движение и направился в управление, где сформировал добровольческую дружину из 120 человек, выдав ей винтовки, на каждую из которых выделил по 5 боевых патронов. Однако импровизацией формирования дружины не было, поскольку тот же помощник исправника В.П. Бабаев в рапорте о речичских событиях утверждал, что за несколько дней до погрома подполковник просил у него разрешения о выдаче оружия для организации дружины. Поскольку В.И. Скворцов был переведен совсем недавно в Речицу из Бобруйска с должности командира батальона 238 пехотного полка и исполнял обязанности временно, то можно предположить, что идея о дружине появилась у него под влиянием местных жителей, настроенных против деятельности социалистических групп. Может быть, инициатива исходила от «Патриотической лиги», о которой упоминает в своей работе Л. Смиловицкий. Вместе с тем не исключено, что сам Скворцов, по-своему реагируя на неопределенную ситуацию после Манифеста 17 октября 1905 г., решил поддержать эту идею в виду отсутствия в городе вооруженной силы. Так, В.П. Бабаев отмечал, что «из гор. Речицы были

раньше погрома взяты солдаты, без которых мы остались бессильны» [6, л. 10]. Показательно, что чины уездного полицейского управления, не смотря на тревожную ситуацию в городе, не допускали формирования дружины, считая подобные действия незаконными.

Интересно то, что дружина была сформирована к тому времени, когда «лавки уже были разгромлены, и народ начал удаляться из города» [6, л. 20]. В этой связи утверждение Л. Смилвицкого о том, что «погром усилился, когда хулиганами, вооруженными солдатскими винтовками, начал руководить жандармский унтер-офицер Боричевский» [7], не соответствует хронологии событий и является домыслом. Дружинники использовались начальником воинского управления для патрулирования городских улиц в целях «охраны безопасности жителей христиан от нападений евреев, которые по слухам намеревались учинить нападение на христиан» [6, л. 20]. Следует отметить, что патрульные дружины не привели к распространению погромных действий, однако ситуация в городе балансировала на грани новой волны насилия. В течение вечера и ночи «в городе производилась стрельба демократами из револьверов и дружинниками из полученных винтовок» [6, л. 20]. Во время ночного обхода на полицейского надзирателя Ф.П. Артемьева, возглавлявшего усиленный патруль городских и дружинников, было совершено покушение. Неизвестные лица стреляли в чиновника почтово-телеграфного отделения, который направлялся из дома на службу. Можно предположить, что со второй половины дня 23 октября помощник исправника Речицкого УПУ В.П. Бабаев фактически устранился от какого-либо руководства. В своем рапорте он признается в том, что «принять какие-либо другие меры против евреев и христиан не было никакой возможности». В любой момент с 23 на 24 октября в городе «было бы общее восстание между евреями и христианами и в виду таких волнений, я никаких мер больше принять не мог, так как и моя жизнь была в опасности – где я находился под градом пуль, как на месте происшествия, так и вне его» [6, л. 10–11]. Вероятно, такое нерешительное поведение и утрата управления стали причиной последующего отстранения В.П. Бабаева от должности. Показательно, что в рапорте речицкого исправника В.П. Бабаев после рассказа о его прибытии на базарную площадь днем 23 октября больше не упоминается.

Если беспорядки 23 октября закончились смертью одного человека, то следующий день принес гораздо больше жертв после вмешательства в конфликт представителей гомельской еврейской самообороны. Прежде чем проанализировать их участие в массовых беспорядках в Речице, следует упомянуть еще об одном событии, о котором Л. Смилвицкий не сообщает в своем исследовании. Вместе с тем оно опровергает его схему о вооруженных властями громилах, преследующих еврейское население. В частности, рано утром 24 октября в Речицу стали стекаться крестьяне из окрестных де-

ревень «с кольями, собственными ружьями и палками, говоря, что они прибыли для уничтожения демократов» [6, л. 20]. На базарной площади собралось приблизительно 2 000 крестьян. Несмотря на многолюдную толпу, полиция и начальник воинского управления вместе с дружинниками смогли ее разогнать, поэтому «погром ограничился лишь разбитием двух лавок». Таким образом, полиции и импровизированной дружине удалось 24 октября не допустить повторения в еще большем масштабе погромных действий крестьян в городе.

Однако около 10 часов утра подполковник В.И. Скворцов получил с железнодорожной станции сообщение о том, что в Речицу прибыл поезд, на котором приехала «партия гомельских демократов-революционеров». Им на встречу был отправлен отряд из трех нижних чинов, городского и шести дружинников под командованием армейского унтер-офицера. На выходе из города по Вокзальной улице патруль встретил идущих к ним по шоссе «около 20 человек молодых евреев». В ответ на требование начальника патруля остановиться, они выхватили из карманов револьверы, «произвели несколько выстрелов в патруль и бросились бежать по соседним дворам и баштанам (огородам)» [6, л. 20]. Унтер-офицер и нижние чины побежали в сторону центра города наперез боевикам, а дружинники и высыпавшая вслед за ними из окрестных домов толпа «вооруженных чем попало» мешан бросилась вдогонку за стрелявшими. В процессе погони было убито 4 приезжих и схвачено 8 раненых, у которых были «найденны и отняты: различных систем револьверы, кинжал, бомба, проездные билеты из Гомеля и прокламации». В рапорте исправника не скрывается, что толпа учинила самосуд над задержанными, избивая их «чем попало, приговаривая при каждом ударе, что это «за долой самодержавие» [6, л. 20]. Около двух часов дня с вокзала поступило очередное сообщение о том, что из Гомеля в Речицу выехало еще 80 боевиков на помощь своим речицким товарищам. Подполковник распорядился о высылке в сторону вокзала и станции нескольких патрулей численностью по 15 человек каждый под командованием армейских нижних чинов. Один из этих отрядов расположился в засаде на входе в город в ожидании условного сигнала. Сам Скворцов вместе с полицейским надзирателем, городскими и железнодорожными жандармскими чинами разместился на вокзале. Вместо ожидавшихся 80 человек патруль увидел «идущими по шоссе к городу кучку молодых евреев», которые обратились в бегство при попытке их задержания. Открыв огонь из винтовок, сидевшие в засаде бросились вслед за ними. Патрулю удалось ранить и поймать 5 человек, изъяв у задержанных четыре револьвера. После этой стычки дружинники прочесывали дворы в поисках скрывшихся членов боевых групп. Поиск привел к задержанию еще 17 человек «с тяжкими и легкими повреждениями» [6, л. 20]. Во дворе одного из домов обнаружили тело мешанина Ви-

ленского, убийцы которого остались неизвестными. В этот же день от тяжелых ранений скончался в больнице Рапопорт. Л. Смиловицкий писал о том, что раненым, запертым в полицейском управлении, до вечера не предоставлялась медицинская помощь. Однако в полицейском отчете исправника указывается, что «все раненые помещены были сейчас же в Речицкую земскую больницу, некоторым сделаны операции прибывшими из Гомеля докторами» [6, л. 21]. На момент написания рапорта в больнице продолжали находиться под присмотром врача тяжелораненые, а легкораненые с разрешения судебного следователя были отпущены к родным. Больше вооруженных столкновений в городе 24 октября не происходило. Ранним вечером в уездный центр вернулся речицкий исправник С.А. Житников.

На следующий день с утра в город вновь потянулись местные крестьяне «с целью грабежа», но они «были рассеяны и не допущены в город» полицией [6, л. 21]. Попытки проникновения в Речицу отмечались еще несколько дней, но угрозы не представляли, поскольку к этому времени в распоряжении полиции появилась вооруженная сила. 25 октября в 2 часа дня в город прибыла рота Вышневолоцкого пехотного полка. В этот же день по настоянию исправника произошло разоружение дружинников, однако вечером подполковник В.И. Скворцов распорядился выдать 20 винтовок речицким мещанам «для самозащиты от демократов» [6, л. 21]. Этот факт исправник посчитал необходимым отметить в рапорте, выражая тем самым свое несогласие с действиями офицера. Начальник полиции приступил к розыску награбленного имущества, но признавал, что дело движется медленно «за недостатком чинов полиции и вследствие ожидавшихся погромов во всех местечках и произведенных погромов во многих деревнях» [6, л. 21]. Свое личное отсутствие в уездном городе исправник объяснил поездкой в Лоев в целях недопущения погромных акций в этом местечке. Общая сумма ущерба, понесенного жителями Речицы, оценивалась начальником полиции в 150 тыс. рублей. Однако более печальным был исход конфликта, измеренный в людских потерях: за два дня в городе погибли 7 и были ранены 23 человека, причем пострадавшие были исключительно из числа евреев.

В своей статье израильский историк справедливо отметил тот факт, что участники дружины, городские жители и начальник воинского управления не понесли наказания за явное превышение самообороны и своих должностных полномочий. Однако им игнорируется то, что волна насилия в Речице была спровоцирована действиями активистов местных социалистических организаций. Именно они первыми применили огнестрельное оружие, вызвав крестьянский погром 23 октября 1905 г., во время которого был убит человек. Приезд на следующий день из Гомеля вооруженных стрелковым оружием боевиков социалистических партий тоже достаточно трудно считать формой самообороны. Вооруженная радикальная молодежь очевидно

не намеревалась демонстрировать законопослушное поведение. В свою очередь утром 24 октября дружинники фактически предотвратили попытку устроить новый погром, не допустив вместе с полицией проникновение в город местных крестьян. Это не позволяет безапелляционно отождествлять их с погромщиками и криминальным элементом. Полицейский рапорт несколько раз подчеркивал неспособность полиции противостоять массовым беспорядкам. На это обстоятельство уже давно обращали внимание отдельные, в том числе иностранные, историки. В частности, в 1987 г. в своей статье «Царское правительство и погромы 1903–1906 гг.» Ш. Ламброза писал об «удивляющей» слабости полиции Российской империи в начале XX в. [1, р. 292]. Общая полиция просто физически не могла вследствие своей малочисленности предотвратить любые массовые беспорядки. Против толпы в несколько тысяч местных крестьян и городских жителей общая полиция Речицы могла выставить лишь с десяток полицейских. Неудивительно, что исполнявший обязанности начальника полиции в городе помощник исправника В.П. Бабаев фактически потерял контроль над ситуацией и устранился от руководства, опасаясь, по всей видимости, за свою жизнь. Фактически командование над полицией и сформированной дружинной взял на себя начальник местного воинского управления, который не имел на это полномочий. Однако нельзя не признать, что эта инициатива позволила предотвратить новый погром со стороны крестьян и сохранить контроль на городских улицах. Жесткая расправа над бойцами гомельской самообороны, которых избивали после задержания, была противоправным деянием. Вместе с тем главными участниками задержания выступили не чины полиции, а члены дружины, горожане и армейские нижние чины. С другой стороны, стрельба в ответ на приказ патруля прекратить движение сыграла роль детонатора насилия, над которым полиция в сложившихся обстоятельствах не имела контроля. Представляется, что приведенные выше факты и соображения на примере речицкого конфликта позволяют отказаться от упрощенной трактовки действий общей полиции в условиях массовых беспорядков в период 1905–1907 гг., не говоря уже о причастности общей полиции Речицкого УПУ к организации погрома 23–24 октября 1905 г.

Литература:

1. Lambroza, Shlomo The Tsarist Government and the Pogroms of 1903–06 / Shlomo Lambroza // *Modern Judaism*. – 1987. – Vol. 7. – № 3 (Oct., 1987) – P. 287–296.
2. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч [і інш.]; Рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэдактар) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2007. – 519 с.
3. История Белорусской СССР / под ред. В. Н. Перцева. – Мн. : Издательство Академии наук Белорусской ССР, 1954. – Т. 1. – 503 с.

4. Курлов, П.Г. Гибель Императорской России / П.Г. Курлов. – М. : Современник, 1992. – 255 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 299. Оп. 2. Д. 13148.
6. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 299. Оп. 2. Д. 13335.
7. Смиловицкий, Л. Погромы 1905 г. в Белоруссии (на примере Речицы и Гомеля) [Электронный ресурс] / Л. Смиловицкий // Израильский портал Союз – Режим доступа: http://www.souz.co.il/clubs/read.html?article=843&Club_ID=1:

Ковалёв М.Н.

*Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»,
г. Гомель, Республика Беларусь,*

Белоруссия и Россия в одном коридоре нового Шелкового пути

В статье раскрывается сущность китайской инициативы «Один пояс и один путь». Отмечаются преимущества и риски реализации инициативы «Пояс и путь» для стран ЕАЭС и Белоруссии. Китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень» рассматривается как важный элемент Нового сухопутного Евразийского континентального моста. Подчеркивается необходимость максимального использования предоставляемых проектом возможностей для развития белорусской экономики.

Ключевые слова: логистика, евразийские цепи поставок, Беларусь, инициатива «Один пояс и один путь», новый Евразийский континентальный мост, индустриальный парк «Великий камень».

Инициатива «Один пояс и один путь» (Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века) была выдвинута Китаем в 2013 г. с целью строительства торговой и инфраструктурной сети, соединяющей Азию с Европой и Африкой, вдоль древних торговых путей.

Республика Беларусь является активным участником процесса реализации данного глобального инвестиционного и логистического проекта.

Во время посещения Казахстана в сентябре 2013 года, выступая в «Назарбаев Университете», Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул идею построения Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), а затем, в Индонезии, – идею создания Морского Шелкового пути XXI века. Обе эти инициативы составили глобальный проект «Один пояс и один путь». За четыре последующих года, по оценке китайского лидера Си Цзиньпина на форуме по международному сотрудничеству 14–15 мая 2017 года в Пекине, более 100 государств и крупных международных организаций выразили поддержку проекту и стали принимать активное участие в строительстве «Пояса и Пути» [1].